

Изъ общественной и литературной хроники Запада.

Луисъ Колома, авторъ романа „Бездѣлицъ“.—Его прошлое.—Колома въ качествѣ іезуитскаго проповѣдника въ Мадридѣ.—Его нравственно-обличительная литературная дѣятельность.—Покушеніе на его жизнь.—Объ авторѣ романа „Африканская ферма“.—Посѣщеніе Ибсена англійской миссъ Твиди.—Наружность и обходительность Ибсена.—„Языкъ—душа народа“.—Манія порядка и чистоты у Ибсена.—О любви его къ живописи.—Образъ жизни Ибсена.—Ибсенъ и Бьорнсонъ о наслѣдственности.—Любовь Бьорнсона къ музыкѣ.—Обычай избирательной агитаціи во Франціи: плакаты, афиши и рекламны кандидатовъ; типическія черты людей, промышленяющихся выборами—расклеиватель рекламъ, журналистъ, секретарь кандидата, клакерь, свистунъ, провожальщикъ, ораторы, библиотечная крыса, „ученый“, знатокъ бойкихъ фразъ; что печатаютъ кандидаты; роль надежнаго избирательнаго комитета въ Парижѣ; социалистическая логика кумаковъ; „ремесленный союзъ цирюльниковъ“ на парижскихъ выборахъ; социалистическія насилія надъ Ивомъ Гюго, Можаномъ и Локруа.—Викторъ Гюго въ роли литературнаго папы.—Извозчикъ-поэтъ Моръ и его мечь.—Положеніе французскихъ кандидатовъ въ провинціи.—Кандидатъ въ депутаты и крестьяне-избиратели.—Подачки важнѣе рѣчей-программъ и избирательныхъ манифестовъ.—О переселеніи американскихъ миллионеровъ въ Европу.—Процессъ нью-іоркскаго банкира Седжа съ Лэдлоу, вслѣдствіе динамитнаго покушенія на его жизнь.—Архимиллионеръ Маккэй и покушеніе на него Рипей въ Санъ-Франциско.—Переѣзна фронта въ американской печати относительно наслѣдниковъ финансоваго пирата Джея Гуда.—Богатѣйшая въ свѣтѣ невѣста и американскіе панегирики по адресу миссъ Элленъ М. Гудъ.

Съ сентябрьской книжки „Вѣстника“ печатается романъ іезуитскаго патера Луиса Коломы подѣ заглавіемъ „Бездѣлицы“. Это переводъ испанскаго романа „Requiesces“, который при появленіи своемъ въ Бильбао сперва въ іезуитскомъ журналѣ, потомъ отдѣльно въ двухъ томахъ, былъ признанъ испанцами настоящимъ литературнымъ событіемъ, тѣмъ болѣе любопытнымъ, что онъ ярво охарактеризовалъ темныя стороны испанской аристократіи въ періодъ правленія короля Амедея Савойскаго. Луисъ Колома уже не разъ интересовалъ своей персоной всю образованную Испанію. Біографія его полна приключеній. Онъ сынъ богатаго адвоката въ Ферещѣ (род. 1851 г.), учился сперва въ Севильѣ по юридической части. Тамъ же онъ свелъ близкое знакомство съ двумя писательницами Фернанъ Кабаллеро и Гертрудой Авелламедой, занимался немножко журналистикой, а всего больше политическими интригами въ пользу изгнан-

ныхъ изъ Испаніи Бурбоновъ. Это послѣднее обстоятельство навлекло на него подозрѣнія и со стороны короля Амедея, и въ лагерѣ республиканцевъ. Ему грозила опасность попасть въ изгнаніе. Къ счастью для него, обыски, производившіеся у него полиціей, остались безплодными.

Въ Севильѣ онъ слылъ за вивера и необузданнаго прожигателя жизни совершенно въ томъ же родѣ, какихъ онъ самъ выставляетъ въ своемъ романѣ „Бездѣлицы“. Въ 1874 г. въ одно прекрасное утро его нашли на улицѣ тяжело раненымъ выстрѣломъ изъ револьвера. Была-ли то мести какого нибудь обиженнаго имъ супруга или соперника въ любовныхъ дѣлахъ, или же 23-хъ-лѣтнему молодому человѣку наскучила разгульная жизнь и онъ самъ пытался положить ей предѣлы, все это такъ и осталось навсегда невыясненнымъ.

Раненый упорно отказался отвѣчать на распросы. Четыре недѣли онъ находился между жизнью и смертью, и въ это-то время съ молодымъ виверомъ совершилась нравственная метаморфоза. По выздоровленіи онъ вступилъ въ іезуитскій орденъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя Луисъ Колома опять заставилъ говорить о себѣ весь Мадридъ. Прошла молва, что въ іезуитскомъ орденѣ обрѣтается проповѣдникъ, пламенное краснорѣчіе котораго напоминало знаменитѣйшія имена по этой части прежнихъ временъ. Такимъ проповѣдникомъ оказался бывший бонвиванъ Луисъ Колома. Изъ своего монастыря онъ былъ вызванъ въ Мадридъ. Но тамъ въ первой же проповѣди, которую держалъ онъ въ присутствіи именитыхъ дамъ, онъ наговорилъ своимъ слушательницамъ такихъ неприятныхъ вещей, что онѣ то краснѣли, то блѣднѣли, а многія не выдержали и съ негодованіемъ ушли изъ церкви. Нѣсколько часовъ спустя король, папскій нунцій и министры собрались на совѣщаніе, чтобъ принять какое либо рѣшеніе насчетъ необычайнаго проповѣдника. Постановили просто отправить его опять въ монастырь.

Но благочестивое рвеніе патера не улеглось. Тѣ горькія истины, которыхъ онъ не могъ возвѣщать съ церковной кафедрой, онъ сталъ излагать печатно. Его первыя литературныя работы предназначались преимущественно въ назиданіе дѣтямъ. Но онъ скоро сталъ обращаться и къ взрослымъ. Въ „Пыли и грязи“, въ „Первомъ балу“, въ „Горріонѣ“ — все это названія его назидательныхъ повѣствованій — онъ безпощадно бичевалъ пороки испанской аристократіи, ея глупость, легкомысліе и развращенность. Новеллы этого рода,

изданныя отдѣльно подѣ заглавіемъ „Lecturas recreativas“, не прошли незамѣченными, но далеко не предвѣщали блестящаго успѣха романа „Бездѣлицы“. И въ этомъ романѣ авторъ не скрываетъ своихъ намѣреній наставительнаго свойства. „Не забывайте — говоритъ онъ читателямъ, — что подѣ видомъ повѣствователя я ничто иное, какъ вѣстникъ вѣры. Какъ въ былое время иной нищенствующій монахъ на площади взбирался на столъ, чтобъ обратиться къ равнодушнымъ, которые не посѣщали храма, и высказать имъ неприятныя истины рѣзкимъ языкомъ, доступнымъ ихъ пониманію, такъ и я воздвигаю себѣ трибуну на страницахъ романа, съ которой проповѣдую тѣмъ, кто не сталъ бы слушать меня, если бы я заговорилъ съ ними иначе. Я поучаю ихъ на ихъ собственномъ языкѣ необходимыми истинамъ, которыя никогда не могутъ быть излагаемы подѣ сводами церкви“.

* * *

Испанской аристократіи едва-ли приходится радоваться, что у нея нашелся такой исторіографъ. Испанскихъ кавалеровъ онъ изображаетъ съ беспощадной откровенностью, даже славу рыцарской отваги, на которую Испанія претендуетъ такъ громко, онъ срываетъ съ нихъ, какъ лживую маску. Дамамъ въ романѣ іезуитскаго патера достается еще горше. И все это дѣлается членомъ іезуитскаго ордена, лицомъ, которое долгое время вращалось въ разоблачаемомъ имъ высшемъ кругу. Въ романѣ есть и политика. Луисъ Колома не можетъ простить роялистамъ, что они не оправдали его надеждъ и не сдѣлали католицизмъ государственной религіей. Но политика въ „Бездѣлицахъ“ занимаетъ второстепенное мѣсто. Вообще ей отводится мѣсто въ этомъ романѣ только потому, что она въ настоящее время составляетъ излюбленное занятіе и наиболѣе почитаемую професію для испанской аристократіи. Въ глазахъ патера Коломы испанская аристократія — самый опасный поборникъ равнодушія и снисходительности въ дѣлахъ нравственныхъ, которыя она охотно считаетъ „Бездѣлицами“, что строгому моралисту кажется преступностью и порочностью, достойными бичеванія.

Неудивительно, что задѣтые этой сатирой, возмутились противъ автора „Бездѣлицъ“. Иныя изъ мадридскихъ газетъ потребовали, чтобъ противъ такого бичевателя пороковъ были приняты административныя мѣры. Луисъ Колома обвинялся въ томъ, что намѣренно и съ злымъ умысломъ отрицаетъ и унижаетъ всѣмъ свѣтомъ признанныя

благороднѣйшія и блистательнѣйшія качества испанцевъ. Появились памфлеты, направленные къ опозоренію столь „нечестивой книги“. Но у патера Коломы нашлись поборники и сторонники. И вотъ не успѣла еще прекратиться полемика по поводу „Бездѣлицъ“, какъ Луисъ Колома опять сдѣлался предметомъ общественнаго вниманія въ Мадридѣ. Надняхъ на него произведено было покушеніе—по чьей инициативѣ?—въ саду іезуитской коллегіи Деусто пьяными горнорабочими изъ Бильбао.

* * *

Подъ псевдонимомъ Ральфъ Айронъ, которому принадлежитъ печатаемый нами романъ „Африканская ферма“, скрывается англійская писательница Олива Шрейнеръ, уже успѣвшая стяжать себѣ извѣстность въ средѣ англійскихъ романистовъ. Съ однимъ изъ позднѣйшихъ рассказовъ ея „Сонъ, навѣянный дикими пчелами“ ознакомлены читатели „Вѣстника“. Олива Шрейнеръ—дочь миссіонера изъ нѣмцевъ, который, женившись на англичанкѣ (дочери одного лондонскаго проповѣдника), въ 1836 г. отправился проповѣдывать христіанство въ Южную Африку, и она родилась и проживала въ Африкѣ до весьма недавняго времени. Стало быть, то, что она изображаетъ въ „Исторіи африканской фермы“, пережито ею. Для характеристики автора этой „Исторіи“ небезинтересно привести заявленіе Олива Шрейнеръ о происхожденіи ея романа. Одинъ англійскій критикъ по поводу „Story of an African Farm“ замѣтилъ, что ему пріятнѣе была-бы книга, „которая рассказывала-бы о дикихъ приключеніяхъ, о стадахъ скота, загоняемыхъ бушменами въ непроходимыя пропасти, о схваткахъ съ хищными львами и объ удивительныхъ способахъ спасенія жизни отъ опасностей“. На это Олива Шрейнеръ отвѣтила слѣдующее: „Такую книгу написать мнѣ невозможно. Такія книги всего лучше пишутся въ Лондонѣ. Тамъ можно предоставить просторъ творческой фантазіи, не стѣсня себя прикосновенностью съ дѣйствительностью. Но если кто беретъ за изображеніе условій, въ которыхъ онъ выросъ, тому приходится убѣждаться, что факты сильнѣе, чѣмъ онъ. Тѣхъ блестящихъ образовъ, какіе фантазія ищетъ въ отдаленныхъ странахъ, онъ доставить не можетъ. Съ смущеніемъ онъ долженъ выдавливать пеструю краску изъ своей кисти и погружать послѣднюю въ темныя краски своей обстановки“.

* * *

Къ писателямъ, извѣстность которыхъ теперь распростра-